

А.В. Винобер
Иркутск, Россия

**ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА. ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ.
Е.Н. ТРУБЕЦКОЙ – ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРАВА И
МЕТАФИЗИКА АБСОЛЮТНОГО**

Целью данного очерка является не претензия на очередную сомнительную объективность в описании творчества выдающегося автора, а только выражение опыта субъективного познания. Автор проводит критический анализ «Энциклопедии права» Е.Н. Трубецкого, который осуществляет на основе фрагментарных случайных выборок, в зависимости от собственных субъективных предпочтений, ибо осуществить полный детальный критический анализ такого объемного и терминологически насыщенного труда – это задача, посильная для целого авторского коллектива или задача для многолетних усилий одного автора (если не привлекать к выполнению этой задачи искусственный интеллект). Е.Н. Трубецкого, как философа естественного права, по мнению автора, нельзя ставить выше Б.Н. Чичерина, Вл. Соловьева и Л.Петражицкого, которых он изрядно интерпретирует, поправляет или даже сильно критикует (как Л. Петражицкого). Как собственно философа (онтолога и гносеолога) Е.Н. Трубецкого вряд ли можно оценить выше, чем других известных русских религиозных философов и моралистов. Но как православный богослов – Е.Н. Трубецкой – один из лучших.

Ключевые слова: философия естественного права, Евгений Николаевич Трубецкой, энциклопедия права, метафизика абсолютного, историческая школа

1. Вместе введения.

1.1. «Право – прежде всего явление психическое. Первоначальным источником права всегда и везде является наше сознание. Поэтому сила и действительность всякого позитивного права обуславливаются теми неписанными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними велениями. Всякий внешний авторитет может иметь силу лишь до тех пор, пока люди убеждены в необходимости ему подчиняться. ... Порядок, власть, собственность для нас ценны не сами по себе, а как средства для ограждения жизни и безопасности человеческой личности и для её преуспеяния. Человеческая личность для нас и есть та безусловная ценность, которая сообщает обязательное значение и силу всем внутренним правовым велениям нашего сознания» Е.Н. Трубецкой [18].

1.2. «Истина – или ничто, или она не человеком вымышленная, независимо от человека и от какого-либо психологического субъекта –

действительная мысль. Если нет такой всеединой мысли, объемлющей всё, что есть, что было и что будет – мысли в которой увековечено исчезнувшее со всеми его мельчайшими подробностями и предвосхищено будущее, то истина прошедшего и будущего, более того, всякая вообще истина тем самым превращается в ничто» Е.Н. Трубецкой [16].

1.3. «Дурная бесконечность жизни вообще заключается в том, что все пожирают друг друга и никогда до конца не насыщаются. ... Единое солнце светит всем живым существам; все им согреваются, все так или иначе воспроизводят в своей жизни солярный круг с его периодическими сменами всеобщего весеннего оживления и всеобщего зимнего умирания. ... Но, согреваясь внешними лучами, все оживают для взаимного истребления, все спорят из-за лучшего места под солнцем, все хотят жить, а потому все поддерживают дурную бесконечность смерти и убийства» Е.Н. Трубецкой [17].

Процитированные выше три фрагмента из текстов Е.Н. Трубецкого выбраны мной случайно и неслучайно. Они весьма неоднозначно отражают смыслы, отраженные в творчестве выдающегося русского правоведа и философа. Поэтому нахожу необходимым сразу дать свой субъективный комментарий этим фрагментам, чтобы, отчасти, обозначить особенности своего субъективного восприятия и понимания, а заодно – развеять изначальные недоумения моих потенциальных читателей по поводу случайно-неслучайно вырванных из огромного контекста творчества Е.Н. Трубецкого именно этих фрагментов.

1.1.1. По поводу «право – прежде всего явление психическое» можно сказать, что такое заявление для Евгения Николаевича довольно редкое. Тем более, что во многих случаях, он оспаривает доминанту психического, как основание для объяснения природы права. Особенно ярко это обнаруживается в критике психологической теории права профессора Л.Петражицкого. В данном фрагменте обнаруживается истинная позиция Е.Н. Трубецкого в отношении механизма позитивного права, потому как

дается явный акцент на определяющем значении правосознания субъекта, на велении внутренних психологических актов выбора личности по отношению к действующим нормам позитивного права в зависимости от убеждений и осмысленности внешней правовой и нравственной ситуации. По существу, Е.Н. Трубецкой говорит здесь о наличии интуитивного правосознания, основанного на психологии сознания и выбора.

1.2.1. Второй фрагмент (1.2) однозначно совершенно не случайный. Можно сказать, что в нем представлены главные черты всей философской системы Е.Н. Трубецкого. То есть, истина, если она есть, она безусловна и абсолютна, и не зависит от психологии субъекта. Здесь наглядно видны отзвуки критики Трубецким философии Канта, основанные на убеждении существования Единого и Абсолютного, независимого от всей нашей совокупной субъективности посюстороннего мировосприятия.

1.3.1. Следующий фрагмент (1.3) из последнего произведения Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни» можно назвать случайным и нехарактерным. В нем слышны мотивы юношеского позитивизма (до времени полного обращения к Абсолютному). Но на самом деле, на мой субъективный взгляд, Е.Н. Трубецкой приводит данный фрагмент с целью сопоставления двух миров – мира природы, где господствуют биологические законы и мира человеческого, где господствуют законы морали и нравственности. И как он сам отвечает в данном произведении, крайняя биологизация мира человеческого (уподобление миру животной жизни) может вести только к сатанизму, отрицающему все моральное и нравственное.

1.4. Немного о Евгении Николаевиче Трубецком.

1.4.1. «Евгений Николаевич Трубецкой (1863-1920) – выдающийся русский мыслитель, чьи труды вошли в золотой фонд отечественной правовой и философской мысли. Е.Н. Трубецкой получил образование на юридическом факультете Московского университета, где одновременно изучал философию и богословие. После защиты докторской диссертации был профессором Киевского, а с 1906 года Московского университета.

... Развивая религиозно-философские взгляды на действительность, Е.Н. Трубецкой выступает как один из видных представителей философии всеединства в России. До конца своих дней он остается верным последователем философии Вл. Соловьева, однако в ряде существенных моментов Трубецкой отходит от учения великого русского философа и строит свою теоретическую модель действительности.

... Естественное право для Трубецкого имеет сложное, иерархическое, пирамидальное строение. На вершине пирамиды – Бог в его христианском понимании. Далее располагается вечный, абсолютный и неизменный нравственный закон, и далее, к основанию пирамиды, располагаются конкретно-исторические представления людей о правде и справедливости и основанные на них убеждения о принципах организации общества и государства, месте и роли личности в них. Причем более поздние взгляды являются шире и богаче по содержанию более ранних. Это доказывается тем, что общество идет по пути прогресса в области нравственности, а следовательно, и в области естественно правовых воззрений» Г.Г. Бернадский [2].

1.4.2. «В главных философских сочинениях «Миросозерцание В.С. Соловьева» (т.1-2, 1913), «Метафизические предпосылки познания» (1917) и «Смысл жизни» (1918) Трубецкой осуществляет критическое переосмысление философии Соловьева, стремясь согласовать её с ортодоксальной христианской доктриной и устраняя из его учения о «положительном всеединстве» элементы пантеизма, эволюционизма, теократической социальной утопии. Абсолютное всеединство истолковывается Трубецким через понятие абсолютного сознания: абсолют, не будучи сущностью всего в мире (каковым он был, по Трубецкому, у Соловьева), объемлет мир как всеведение, охватывающее действительное и возможное, правду и заблуждения. Божественная «премудрость», София, у Трубецкого не тождественна этому всеединому знанию, она – идеальный замысел о мире, возможность, которую человек волен принять или

отвергнуть. Развивая онтологический подход к проблемам познания, попытался осуществить критический пересмотр гносеологии кантианства» [20].

1.4.3. «Не принимая ни панлогизма (Гегель), ни субъективистского алогизма (Бердяев, частично Флоренский), Трубецкой стремился строить свою философию (называя ее логизмом) как доказательство сугубой разумности безусловного бытия. Центральной для Трубецкого была тема неизменного и вечного смысла жизни. Онтологические основания решения проблемы выявляются Трубецким в концепции абсолютного сознания, продолжающей и уточняющей интуицию Всеединства В. Соловьева. Исключение сознания из абсолютного бытия равнозначно его уничтожению. «Истина есть всеединое сознание, а не всеединое сущее; ибо Абсолют, не являясь сущностью всего в мире, объемлет мир не только сознательно, но и предвечно как всезнание, всеведение и всевидение, что делает возможной процессуальность бытия. ... Критически оценивая кантианство, Трубецкой считает, что нужно от гносеологизма психологической школы немецкого идеализма перейти к метафизическому оправданию познания, опирающегося на отмеченное выше понимание всеединого, что и позволит найти ответ на вопрос «как возможно сознание?» Материал познания весь во времени, но истина о нем в вечности и потому познание возможно как органическое единство мысли человеческой и абсолютной, когда искание истины есть попытка найти безусловное сознание (или откровение как сознание иного) в моем сознании; в единстве истины человеческой ум должен обнаружить свое единство – истинную и подлинную норму разума, состояние которого не антиномизм (Флоренский), а противоречивость. ... Бог является центром и смыслом эволюции, но не её субъектом и закрыт от нее миром как сущим становящимся, что и открывается нам в опыте, который, при всей данности в нем безусловного, не выводит человека за пределы мира, вовлекая его тем не менее, в силу законченности времени во всеедином сознании в жизненное общение с Богом» [13].

1.4.4. И.И. Евлампиев, излагая философские и правовые воззрения Е.Н. Трубецкого, находит отправную точку в высказывании Трубецкого: «Приняв веру, я не только отбросил философию; наоборот, стал верить в нее так, как раньше никогда не верил, потому что почувствовал её призвание – быть орудием Богопознания» и отмечает далее, в качестве основной линии, знакомство Е.Н. Трубецкого в 1886 году с Владимиром Соловьевым, вследствие чего «система Соловьева стала для Евгения Трубецкого образцом того Богопознания, которое является высшей целью философской мысли; именно этим объясняется огромное влияние, которое Соловьев оказал на духовное развитие своего друга.

... Критикуя кантианские и антропоцентристские мотивы и рассуждения Соловьева, Трубецкой защищает догматическую концепцию, основанную на убеждении безусловной независимости Бога от мира и человека, его полной свободы в отношении своего творения. ... Свои усилия Трубецкой направляет на то, чтобы показать отсутствие непреодолимых антиномий между временностью мира и вечностью Бога, свободой человека и всеведением Бога» [10].

1.4.5. Не поддаваясь соблазну комментировать все предыдущие цитаты (1.4.1.-1.4.4.), выскажу свое сугубо личное и субъективное мнение.

Возможно, что это мнение следовало бы приберечь к окончанию, к заключительным выводам, но так как моей целью является не претензия на очередную сомнительную объективность в описании творчества выдающегося автора, а только выражение опыта субъективного познания, то нахожу целесообразным изначально обозначить свою позицию и свое отношение к текстам Е.Н. Трубецкого и к его научной методологии.

1.4.5.1. Я не согласен с оценкой отдельных авторов [8] о том, что в творчестве Е.Н. Трубецкого присутствует методологический плюрализм по отношению к философии права. На мой взгляд, Е.Н. Трубецкой использует всегда один и тот же методологический подход, в основе которого доминирует субъективный критицизм, богословский догматизм и

философский стиль оформления своих взглядов, т.е. техника по преимуществу, субъективного философского идеализма. Если внимательно читать философские тексты, то легко обнаружить, что все его предшественники в основном ошибаются (Гераклит, Гегель, Кант, Вл. Соловьев, не говоря уже о Л. Петражицком и других современниках), а Е.Н. Трубецкой всегда прав, ибо у него существует особая связь с абсолютным и безусловным знанием.

Образно говоря, содержание текстов Е.Н. Трубецкого на четыре пятых – это догматическое богословие, а на одну пятую – это философская техника оформления. Хотя декларативно, Е.Н. Трубецкой претендует на обратную пропорцию: якобы четыре пятых содержания его текстов – это философия, а только одна пятая – это завуалированный богословский догматизм. И надо сказать, что эта претензия работает – большинство исследователей считают и читают Е.Н. Трубецкого как философа. Здесь, по моему мнению, кроется та же удивительная иллюзия, имеющая место в отношении великого философа Георга Гегеля, который, на самом деле, на половину или даже на две трети теолог, а не философ. Впрочем, это распространенная практика в философии и научном познании, где идеологи также признаются философами, как и теологи.

1.4.5.2. Также я не разделяю мнение Б.В. Васильева [3] считающего, что «Е.Н. Трубецкой обосновал философскую концепцию права как теорию естественного права с изменяющимся содержанием», так как по моему субъективному мнению, так называемая «теория естественного права Е.Н. Трубецкого» есть по преимуществу богословская концепция, а не философская (по своему глубинному содержанию).

1.4.5.3. Вполне согласен с мнением У.А.Кашапова [12], что концепция жизненного пути или «Смысла жизни» Е.Н. Трубецкого, сильно напоминает утопический проект по преимуществу религиозного содержания. В этом отношении могу сказать, что с 1994 по 2001 году я не однажды читал и перечитывал «Смысл жизни» Е.Н. Трубецкого и никак не мог уяснить для

себя, почему по преимуществу богословский трактат многие называют философским, не подчеркивая при этом, что «Смысл жизни» - это одно из самых ярких богословских произведений в истории России...

1.4.5.4. Также я вполне разделяю мнение о том, что концепция естественного права Б.Н. Чичерина существенно отличается от взглядов на теорию естественного права Е.Н. Трубецкого [21]. Хотя последний высоко ценил творчество Чичерина, но далеко не во всем понимал и разделял взгляды Б.Н. Чичерина.

1.4.5.5. Многие авторы считают, что Е.Н. Трубецкой был большим знатоком истории философии права, отталкиваясь от курса лекций по истории философии права, которые Е.Н. Трубецкой читал в Киевском университете. На мой взгляд, они серьезно ошибаются (говоря терминологией Евгения Николаевича). Либо они невнимательно читали эти лекции, либо они сами слабо ориентируются в истории философии и истории философии права.

Без сомнения, в данном курсе есть неплохие фрагменты и удачные формулировки, но в целом, часто встречаются слабые места, показывающие более мифологическое, чем научное знание древней истории. Можно было приводить уйму примеров по этому поводу, но я ограничусь только одним: «Гегель справедливо указал, что в эпоху Сократа разложение древнего мирозерцания было всеобщим». Во-первых, я не считаю Гегеля серьезным знатоком античной истории, во-вторых, для такого заявления даже в наше время нет достаточных научных фактов, подтверждающих достоверность данного утверждения, тем более что оно ложно по своему содержанию.

1.4.5.6. Не увлекаясь дальнейшими критическими рассуждениями субъективного характера, ибо еще будет глава «Заключительные замечания», я в настоящий момент перехожу к критическому анализу «Энциклопедии права» Е.Н. Трубецкого, который намереваюсь осуществить на основе фрагментарных случайных выборок, в зависимости от собственных субъективных предпочтений, ибо осуществить полный детальный

критический анализ такого объемного и терминологически насыщенного труда – это задача, посильная для целого авторского коллектива или задача для многолетних усилий одного автора (если не привлекать к выполнению этой задачи искусственный интеллект).

2. Определение права.

2.1. «Первая и основная задача юридической энциклопедии заключается в определении самого понятия о праве. Пока мы не выясним себе, что такое право вообще, все наши суждения о тех или других конкретных видах права будут страдать неясностью, отсутствием определенного научного содержания. ... При отсутствии удовлетворительного определения понятия права не могут быть проведены ясные границы между правоведением и другими науками, а при отсутствии таких границ наука права всегда рискует или не охватывать весь свой предмет, или совершить захват из других, чуждых ей областей знания» [18].

Такое начало у энциклопедии Е.Н. Трубецкого. Не знаю как вам, уважаемый читатель, а мне это начало напомнило о Сократе и софистах: как будто бы до Е.Н. Трубецкого никто не давал определения права (либо все определения недостойны того, чтобы их озвучивать и комментировать), поэтому сократствующий Е.Н. Трубецкой начинает от состояния полного отсутствия определений, используя сократо-софистическую технику, издалека и окружными путями подходить к понятию права и его первому определению.

Увлечение Сократом – давняя слабость Евгения Николаевича. Еще в курсе «Истории философии права» Трубецкой категорически утверждает, что «Сократ для всех времен и народов сохраняет свое значение как величайший тип философа» [19].

Оттуда же, глава XIII «Христианство», мы узнаем, что «Платон был христианином до Христа, что Сократ и Платон – предшественники христианства, а Аристотель всецело на языческой почве».

Е.Н. Трубецкой нередко в своей аргументации обращается к историческим персонам и установлениям, ссылаясь на институты Гая или институты Юстиниана, и при этом утверждая, что «вне понятия свободы, вообще нет никакого права, и, например, раб может быть только объектом права, но никак не его субъектом» [10].

Но если бы Е.Н. Трубецкой удосужился познакомиться с трудами русского историка С. Ешевского, детально и документально рассмотревшего историю Древнего Рима в период перехода от язычества к христианству, возможно тогда бы он воздержался от столь категоричных заявлений, ибо с конца XIX века было известно из многих работ историков и правоведов, что уже в I веке нашей эры, и особенно во II и III веках, рабы, «в какой-то степени становились подданными не только господ, но и государства, тем более что оно стало принимать жалобы рабов на плохое обращение господ, недостаточное содержание, и если жалоба подтверждалась, рабов принудительно передавали другому господину» [22].

Собственно, вышеозначенный момент – это некоторое отвлечение от темы, но отвлечений от темы нам не избежать, хотя бы потому, что это основной прием софистики Е.Н. Трубецкого, постоянно обращающего внимание на ошибки своих предшественников.

2.2. «Во всяком праве свобода лица, в смысле не стесненной другими лицами возможности осуществлять те или другие цели, составляет настолько существенный признак, что с уничтожением его уничтожается самое право. ... Казалось бы, впрочем, что существуют такие права, которые не только не заключают в себе этого признака свободы, но, напротив того, исключают его, закрепляют состояние несвободы: таково, например, крепостное право. В этом всегда заключалось одно из главных возражений тех юристов и философов, которые отказываются признавать свободу существенным признаком права. Возражением этим, между прочим, воспользовался профессор Петражицкий в своих очерках философии права». Однако при внимательном анализе оно оказывается совершенно неубедительным; на

самом деле крепостное право есть одно из тех кажущихся исключений, которые блистательно подтверждают общее правило: крепостное право действительно отнимает свободу у крепостного, но оно предоставляет свободу господину. Крепостное право есть свобода господина распоряжаться своим крепостным» [18].

Обратите внимание, что в этом абзаце на стр. 19, Евгений Николаевич откровенно противоречит своему же утверждению на стр. 17, где «Свобода лица составляет настолько существенный признак, что с уничтожением его уничтожается самое право». Если выразиться точнее, то Трубецкой в данном фрагменте даже не противоречит, а откровенно лицемерит, потому как осуждая несвободу раба в Древнем Риме и называя его объектом права, он не хочет признавать, что в крепостном праве Российской империи, крепостной – тот же раб, с теми же вытекающими последствиями, т.е., объект, вещь и во многих случаях, фактически приравнивается к домашнему животному (это мое субъективное суждение, основанное на изучении истории Российского государства от Киевской Руси до октябрьского переворота 1917 года).

Случайно ли это лицемерие? Думаю, что нет. Скорее, это мировоззренческая позиция. Если вы внимательно прочитаете главу «Нормальные отношения между правом и нравственностью», то вы не обнаружите в её содержании ключевого термина естественного права, т.е. понятие справедливости там отсутствует и успешно замещается такими понятиями как добро, благо и т.п.

Впрочем, такого рода «ситуативное лицемерие» князя Е.Н. Трубецкого вполне объяснимо: большинство «поклонников» позитивного права (т.е. большинство юристов) крайне редко соглашались с тем, что «справедливость – высшая ценность, защищать и культивировать которую призвана вся система права» [1]. Скорее, они соглашались с максимой Цицерона: «Высшая законность – высшая несправедливость». В качестве любопытного примера – мнение известного социолога права Г.Д. Гурвича, который заявляет, что «всякое право представляет собой более или менее

удачную попытку осуществления справедливости», но вскоре утверждает, что «неправильно отождествлять справедливость и естественное право», потому как «естественное право лишь нравственная критика существующего права» [9].

На мой взгляд, Гурвич в определенной степени унаследовал «логическое» лицемерие в отношении категории справедливости от князя Е.Н. Трубецкого (так Евгений Николаевич любил подписывать свои статьи и монографии).

2.3. Критику господствующих определений права Е.Н. Трубецкой начинает с теории Иеринга: «Иеринг считает совершенно правильным тоходячее определение права, которое гласит: «Право есть совокупность действующих в государстве принудительных норм». Нетрудно убедиться в том, что это определение, как и вообще все те многочисленные в наше время определения, которые исходят из понятия государства, совершает логический круг, определяя право правом, неизвестное неизвестным» [18].

Как часто бывает в практике критицизма Е.Н. Трубецкого, он сводит аргументы и дефиниции своих оппонентов до максимальной редукции и искажения (опять же – это мой сугубо субъективный взгляд – А.В.), утверждая, в данном случае, что Иеринг говорит: «Право есть право» и ничего более. В качестве контраргумента я приведу только одно высказывание Иеринга: «Правосознание, правовые убеждения – всё это научные абстракции, неизвестные народу, - сила же права лежит в чувстве, совершенно так же, как и сила любви; разум и рассуждения не могут заменить недостающее чувство» [11]. Только из этого выражения становится понятно, что Иеринг понимает право гораздо глубже, чем только «совокупность действующих в государстве принудительных норм».

К примеру, С.П. Синха, существенно иначе представляет это определение: «право, по теории Иеринга, является суммой условий социальной жизни в самом широком смысле этого слова, обеспеченной мощью государства с помощью средств внешнего принуждения. Таким

образом, в нем содержатся три главнейших элемента: его зависимость от принуждения, его норма и его цель (или условия общественной жизни). ... Иеринг считает, что осуществление действий закона государством способствует возникновению в индивиду стремления к реализации общего интереса в обществе наряду с его личным интересом. Таким образом, он делает личный интерес частью общественной цели путем соединения личной цели с интересами других» [14]. Поэтому, вернее сказать, что у Иеринга доминирует понимание права как защиты интересов, а не совокупность принудительных норм. О чем сам же Е.Н. Трубецкой сообщает на странице 30, что «учение Иеринга, который определяет право как «защищенный интерес» [18].

2.4. Особенное внимание уделяет Е.Н. Трубецкой учению о праве профессора Л. Петражицкого: «Относительно учения г. Петражицкого следует заметить, как и относительно многих других, что оно не дает точных признаков для отличия права от нравственности. Нельзя не согласиться с г. Петражицким в том, что нормы юридические всегда нормы императивно-атрибутивные, что, предписывая что-либо одну лицу (обязанному), они всегда вместе с тем представляют что-либо другому лицу (управомоченному); не подлежит сомнению, что все юридические нормы действительно устанавливают двустороннюю связь. Но спрашивается: можно ли в этом видеть отличие юридических норм от всяких других и в особенности от нравственных?

На самом деле трудно найти хотя бы одну нравственную норму, которая не была бы «императивно-атрибутивной», которая не закрепляла бы «психически» каких-либо обязанностей одних лиц за другими (за ближними и за Богом для тех, кто в него верит). Высшее выражение нравственности – заповедь любви и милосердия, когда она управляет нашей совестью, несомненно, связывает нашу волю по отношению к ближнему, несомненно, закрепляет за ним целую сложную совокупность наших нравственных обязанностей» [18].

На мой взгляд, в данном случае, Е.Н. Трубецкой кардинально искажает и редуцирует учение Петражицкого, а в качестве опровержения выставляет элемент религиозной проповеди, а вовсе не научной или философской аргументации. Если кратко представить учение Петражицкого, то это может выглядеть следующим образом: «В центре внимания Петражицкого находилась проблема нравственно-психологических оснований правосознания, и в первую очередь вопрос об этических и правовых эмоциях. Для него эмоции – истинные и определяющие «перводвигатели» социально-правового поведения людей. Своеобразие правовых эмоций в том, что они носят императивно-атрибутивный характер и способны побуждать индивидов к законопослушному поведению. Они же служат имманентным психологическим основанием, позволяющим одним субъектам предъявлять юридические требования по отношению к другим лицам и тем самым принуждать их соблюдать правовые нормы, выполнять принятые обязательства, отвечать за свои действия согласно закону (о чем в выше представленном фрагменте умалчивает Е.Н. Трубецкой – А.В.). Петражицкий «предлагает рассматривать психологию мотивов и эмоций как ведущие констатирующие факторы в функционировании интуитивного права. Последнее, согласно Петражицкому, опирается не на внешние нормативные источники, а является результатом внутреннего интуитивного самоопределения личности в сфере правовой реальности» [1].

2.5. «Нравственные предписания объемлют в себе часть права; с другой стороны, предписания правовые заключают в себе часть нравственности; но вместе с тем, существует множество таких нравственных требований, которые не имеют правового значения, и много таких правовых норм, которые вовсе не имеют нравственного содержания, или даже прямо безнравственны» [18].

В данном фрагменте Е.Н. Трубецкой всего лишь повторяет формулы Вл. Соловьева из гл. 2 «Определение права в его связи с нравственностью» [15]. Только формула Вл. Соловьева выходит на уровень прикладной

конкретики, не оставаясь в рамках бесконечных теоретических рассуждений: «Право есть исторически подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально нравственным интересом личной свободы и материально нравственным интересом общего блага... Право и правовое государство заинтересованы ... только в рациональном равновесии этих эмпирически противоположных интересов» [15].

3. Нормативные отношения между правом и нравственностью.

3.1. Рассуждая о взаимоотношении нравственности и эволюции, как частном проявлении, определяющем отношения права и нравственности, Е.Н. Трубецкой делает акцент на следующих ключевых проблемах:

3.1.1. Существует множество юридических норм, прямо противоречащих целям добра, но правовые институты должны служить нравственным целям.

3.1.2. Так или иначе (в преодолении противоречий – А.В.) право должно стать правдою – в этом заключается его жизненная задача.

3.1.3. Изменчивы ли все требования добра вообще или же есть вечный идеал добра, который пребывает незыблемым и неизменным в потоке всеобщего движения?

3.1.4. Эволюционисты не верят в существование каких-либо вечных начал, лежащих в основе нравственности, и видят в нравственных нормах только непрерывно изменяющийся результат развития человека и человеческого общества.

3.1.5. Свойство всех вообще вечных законов, вечных истин таково, что они существуют совершенно независимо от того, сознаются или не сознаются они человеком.

3.1.6. Вопрос о существовании или несуществовании вечного закона добра все-таки остается открытым.

3.1.7. Законы блага существуют объективно.

3.1.8. Благо человека – не в эгоистическом обособлении, а в солидарности с другими людьми.

3.1.9. Смысл жизни раскрывается в любви и только в ней одной... ибо она приобщает нас к жизни мирового целого, к тому, что существует вечно и не умирает.

3.1.10. Если мы признаем, что добро есть только субъективное понятие, а не живая, реальная сила ... то единственно логичным выводом отсюда будет самоубийство: продолжать жизнь, от которой не ждешь никакого добра и которую совсем не ценишь, очевидно, представляется верхом бессмыслицы.

3.1.11. Вера в объективный закон добра и в его всепобеждающую силу составляет необходимое предположение всей нашей жизни: без него вся наша жизнь превращается в тяжелый бред или бессмысленное прозябание.

3.1.12. Закон добра нисколько не противоречит тому закону мирового развития эволюции, который господствует в строе Вселенной.

3.1.13. Вечный закон добра выражает собой ту цель, которой должна быть подчинена вся наша деятельность; он не включает в себе никаких указаний относительно того, как мы должны осуществлять добро в каждом конкретном случае.

3.1.14. В нравственности необходимо различать два элемента: 1) вечный закон добра, коим должна определяться конечная цель нашей деятельности и 2) ряд конкретных задач-целей подвижных, изменчивых, которые обуславливаются, с одной стороны, вечными требованиями добра, а с другой стороны – меняющимися особенностями той конкретной среды, в которой мы должны осуществлять добро [18].

Еще раз повторяю – все выше перечисленные пп. 3.1.1.-3.1.14 – это не элементы логико-правового характера и не элементы стройной правовой системы. Это перечень проблем морали и нравственности по отношению к правовой реальности. Еще точнее можно сказать, что это религиозно-нравственные постулаты, на которые, по мнению Е.Н. Трубецкого, должна

быть ориентирована вся система правосознания личности, а в конечном итоге – и вся система позитивного права.

3.2. Естественное право.

3.2.1. Г.Г. Бернадский, рассматривая правовые взгляды Е.Н. Трубецкого в контексте естественного права, представляет следующую характеристику:

3.2.1.1. Естественное право для Трубецкого имеет сложное, иерархическое, пирамидальное строение (об этом я уже упоминал ранее, только добавлю, что сам я не нахожу «стройной пирамиды» естественно-правовых построений у Е.Н. Трубецкого, о чем попытаюсь высказать далее по тексту – А.В.).

3.2.1.2. Естественное право, по Трубецкому, это убеждения, что есть добро и нравственность на конкретно-историческом этапе развития человечества (о том, что у Е.Н. Трубецкого весьма неоднозначное отношение к феномену справедливости и, соответственно, к понятию справедливости в системе права и нравственности я уже тоже отмечал ранее, поэтому здесь не соглашусь с Г.Г. Бернадским – А.В.).

3.2.1.3. Естественное право есть основанная на общепринятом идеале добра и справедливости система убеждений о принципах организации общества и государства и месте и роли в них личности (всего выше перечисленного я не нахожу в «Энциклопедии права» Е.Н. Трубецкого: нет общепринятого идеала добра и справедливости, о справедливости Трубецкой предпочитает умалчивать; и главное – нет системы утверждений и роли личности во всем правовом измерении реальности – А.В.).

3.2.1.4. Естественное право играет роль содержания, а позитивное право – формы (Также не нахожу этого диалектического взаимодействия и сильно сомневаюсь, что позитивное право – это форма естественно-правового содержания. Скорее можно сказать, что позитивное право содержит в себе отдельные компоненты естественного права, также как отдельные компоненты нравственного содержания, но полное совпадение

исключено, а формула, что естественное право – содержание, позитивное право – форма просто не выдерживает элементарной логической критики и противоречит здравому смыслу – А.В.).

3.2.1.5. Естественное право как содержание права характеризуется моментами безусловного и условного, абсолютного и относительного (скорее, все перечисленные моменты – это не содержание естественного права, а содержание религиозно-идеалистической философии Е.Н. Трубецкого, на основании которой он выстраивает свою субъективную картину эволюции и взаимоотношения естественного и позитивного права – А.В.).

3.2.1.6. Е.Н. Трубецкой считает, что отвергнув естественное право, мы лишили себя всякого критерия для оценки позитивного права ... если под позитивным правом нет никакого высшего права, то мы должны принять само действующее право за правду, считает Трубецкой (для большинства юристов как в России, так и во всем мире – позитивное действующее право – это и есть высший закон и последняя правда, а существование феномена естественного права признают немногие, в основном – теоретики. Поэтому главный критерий для оценки позитивного права – это совесть, убеждения и степень психологической устойчивости субъекта. Все остальное – это теория, утопия, религия и мифология, а точнее – все многообразие субъективного произвола личности и государственно-правовых структур конкретной системы – А.В.).

3.3. О чем говорит сам Е.Н. Трубецкой по поводу естественного права.

3.3.1. «Установления естественного права – всегда остаются вечны и неизменны» (из институции Юстиниана) [18].

3.3.2. «Естественное право выражает собою лишь идеальный порядок согласования человеческих волей. Такое универсальное согласие возможно только во всемирном царстве, которое объединяет в себе все племена и народы» [18].

3.3.3. «Существует еще право естественное – существует вечная идея права, которая должна лежать в основе всего права положительного» [18].

3.3.4. «Вопрос о естественном праве есть центральный, жизненный вопрос философии права, о котором философы и ученые спорят с самого момента его зарождения» [18].

3.3.5. «С точки зрения естественного права все люди свободны и равны; с точки зрения естественного права не должно существовать различия классов, не должно быть рабов, ни господ: между тем у всех народов существуют различия классов, существует и рабство» [18].

3.3.6. «Естественное право вообще не включает в себе никаких раз и навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи» [18].

3.3.7. Отталкиваясь от максим римских и византийских юристов о вечности установления естественного права, Е.Н. Трубецкой приходит в итоге к версии эволюционирующего естественного права, как совокупности нравственных и правовых требований, соответствующих определенной исторической эпохе. В определенной степени естественное право воспринимается Е.Н. Трубецким как вечная идея права или как идеальная модель всеобщего согласия между племенами и народами, выражающая идеальный порядок.

В то же время, Трубецкой подчеркивает, что такой модели (в нашем современном понимании – А.В.) никогда и ни у кого в истории не существовало, и действующее позитивное право – «для каждого народа и в каждую данную эпоху оно олицетворяет собою особую специфическую задачу, особую совокупность конкретных обязанностей. В этом заключается оправдание права позитивного» [18].

4. Происхождение права.

4.1. Так как в моем субъективном понимании глава «Право в субъективном смысле» представленная в «Энциклопедии права» Е.Н.

Трубецкого в гораздо большей степени относится к сфере теории права, чем к философии естественного права, как впрочем, и заключительная часть главы «Нормальные отношения между правом и нравственностью», поэтому я принял решение ограничиться рассмотрением подглавы «Происхождение права», в которой философско-правовое и историческое содержание является более значимым и определяющим для понимания идей и эволюции естественного права.

4.2. Философско-историческую проблематику происхождения права в «Энциклопедии права» Е.Н. Трубецкой, в основном, сводит к борьбе идей между сторонниками идеализма и историзма.

Ниже по тексту я представляю отдельные фрагменты оценки Трубецким идейных споров о происхождении права в XIX веке.

4.3. «Спор идеализма и историзма выдвинул на первый план вопрос о происхождении права, о том, как оно возникает и складывается исторически. Презрение к исторически сложившемуся составляет характерную черту старого идеализма XVIII века; идеализация существующего, преклонение перед исторически сложившимся, составляет характерное отличие исторической школы, возникшей в начале XIX столетия» [18].

Обращает на себя внимание сознательное избегание в данной подглаве о происхождении права серьезного сравнения идеалистических и исторических концепций права. Причем, одной строкой упоминается идеализм французских теоретиков естественного права с их революционным мирозерцанием и совершенно игнорируются непосредственные предшественники «старой исторической школы», главными представителями которой были Гуго, Савиньи и Пухта. Как последние могли игнорировать идеологические правовые идеи Канта и Гегеля – трудно представить. Получается, что историческая школа опиралась только на идеи французских теоретиков (?!).

4.4. «От того, как мы смотрим на историю права, зависит прежде всего наше отношение к преданиям прошлого и к окружающей нас

действительности, в особенности к действующему праву; от нашего понимания истории зависит всецело, какие требования вообще мы можем предъявлять к праву, как понимаем мы вообще задачу, роль законодателя.

Само собой разумеется, что вопрос о происхождении права в пределах настоящего курса может быть представлен только в самом общем виде; мы, очевидно, не можем и не должны исследовать здесь возникновение и развитие тех или других конкретных институтов или норм права, так как это составляет задачу не энциклопедии, а всеобщей истории права: в энциклопедии нас должен интересовать только вопрос о том, как вообще возникает право, каковы вообще причины, силы, которые производят право» [эн пр].

Критикуя теории представителей исторической школы, Е.Н. Трубецкой утверждает, что они стали в отрицательное отношение к идее естественного права, в результате чего историческая школа утратила веру в свободное творчество личности, в её способность пересоздать существующее: «с точки зрения исторической школы, человек – не творец, а орудие исторического процесса» [18].

Отчасти можно согласиться с критикой Е.Н. Трубецкого, но тот же Савиньи переносит творческий потенциал с отдельного человека на народ, нацию (*Volksgeist*), но не упраздняет фактор свободного творчества личности полностью. А в итоге мы имели и имеем ситуацию, когда человек и творец, и орудие исторического процесса, и, вполне вероятно, орудие неведомых нам космических процессов и иных неучтенных наукой факторов (как, например, пассионарность Л.Н. Гумилева – А.В.).

Так что вполне можно перефразировать идею Савиньи о том, что «юристы – не творцы права, а только выразители национального сознания» в формулу «юристы не творцы права, а только выразители (оформители) политической конъюнктуры и интересов властвующих структур» (А.В.).

4.5. «Если бы эволюция права была развитием прирожденных народному духу начал, то невозможны были бы заимствования правовых

утверждений одним народом у другого... творческая деятельность человеческой личности в истории права играет огромную роль» [18].

Во-первых, заимствования такие возможны потому, что право, как и язык, всегда что-то заимствует у соседей, имеющих иные обычаи, иное право, иной язык. Различие – в степени взаимовлияния и культурного обмена.

Во-вторых, у Трубецкого явный крен в огромную роль личности в истории, как у К.Маркса и В.Ленина (что наиболее вероятно, заимствовано от Г.Гегеля, в которого однажды вселился «абсолютный дух»). Неудивительно это еще и потому, что Е.Н. Трубецкой (не признаваясь широкой публике) считал себя медиумом, через которого Абсолютное и Безусловное показывало путь всем народам к настоящей истине, которую Е.Н. Трубецкой получал путем откровения от Абсолютной истины (подробнее – [7]).

Естественно, что я немного утрирую, но если вы имеете возможность глубже погрузиться в смыслы «Метафизических предположений сознания», основное и завершенное философское произведение Е.Н. Трубецкого, вы сможете убедиться, что моя гипотеза имеет вполне реальные основания.

4.6. «Если неизменный, роковой закон развития исключает какое бы то ни было участие личного творчества в созидании права, то предъявлять к праву нравственные, или, что то же, естественно-правовые требования, так же нелепо, как желать изменения законов развития мира растительного или животного» [18].

Е.Н. Трубецкой – замечательный стилист, а иногда и романтик, использующий яркие метафоры, гиперболы, метонимии. О неизменном и роковом законе, как правило, мы узнаем задним числом, когда все возможности каких-либо изменений становятся только фантастическим домыслом (например, вернуться в VI век и внести свои поправки в кодекс Юстиниана). Нравственные и естественно-правовые требования мы можем всегда, как и с молитвами обращаться к господу Богу – но вероятность быть

услышанным, и в первом, и во втором случае – имеет жалкие доли процента (простой пример: разве не взывал Е.Н. Трубецкой в 1918-1919 гг. небесной кары на власть большевиков? Увы, у истории оказался иной резон).

Просто есть эпохи, когда можно творить или быть услышанным, а есть времена, когда ни того, ни другого быть не может. Вероятно, смысл в том, чтобы понять в какую эпоху, или в какие времена, и на какой орбите оказался твой творческий дух (это всего лишь мое, сугубо субъективное понимание «смысла жизни» - А.В.).

5. Заключительные замечания.

5.1. Без всякого сомнения – творчество Евгения Николаевича Трубецкого – яркая страница русской истории. Наиболее значительный объем и потенциал – в сфере религиозной философии. Как философа естественного права, по моему субъективному мнению, его нельзя ставить выше Б.Н. Чичерина, Вл. Соловьева и Л.Петражицкого, которых он изрядно интерпретирует, поправляет или даже сильно критикует (как Л. Петражицкого).

Как собственно философа (онтолога и гносеолога) его вряд ли можно оценить выше, чем других известных русских религиозных философов и моралистов. Но как православный богослов – Е.Н. Трубецкой – один из лучших.

Критика чистого разума у Е.Н. Трубецкого, осуществляемая с позиций почти мистического безусловного и абсолютного – весьма субъективна и неубедительна, как и критика психологизма и антропологизма.

5.2. Формулы Е.Н. Трубецкого типа «Я есть в действительности лишь при том условии, если я осознан в Абсолютном как сущий – Истина заключается ... в самом безусловном сознании. В его абсолютном синтезе как целом. Любое частное содержание, взятое вне этого синтеза – тем самым превращается в ложь. И наоборот, всякая ложь в нем осознается, в его абсолютном синтезе снимается как ложь: ибо безусловное сознание о лжи есть истина» [16], на мой взгляд пронизаны мистикой и софизмом, в результате чего не убеждают объективным научным содержанием. Это во многом напоминает мистико-религиозный субъективный идеализм Г.Гегеля. Объективность здесь может быть обретена в

случае полного отрицания современной философии и естествознания, признающими мир объективной реальностью.

5.3. Возможно, что в силу существенного расхождения моего мировоззрения [4, 5, 6] с мировоззрением Е.Н. Трубецкого, мне не удалось глубоко и содержательно проникнуть в сущность его философского и правового творчества, и поэтому он оказался для меня более далеким и малодоступным чем Б.Г. Чичерин, Вл. Соловьев, Л. Петражицкий, Н.Бердяев и И.Ильин. Безусловное и абсолютное, в моем понимании, не есть свобода. И как свобода реализуется в правовых и философских взглядах Е.Н. Трубецкого – для меня осталось загадкой. Чем-то его безусловное и абсолютное напоминает Единое Плотина...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. - СПб.: Издательство «Лань». 2000. 400 с.
2. Бернадский Г.Г. Евгений Николаевич Трубецкой. В кн. Энциклопедия права / Трубецкой Е.Н.. СПб.: Лань, 1998. С. 3-12.
3. Васильев Б.В. [Философия права Е.Н. Трубецкого](#) / Б.В. Васильев // Теория и практика инновационных технологий в АПК: Материалы национальной научно-практической конференции (Воронеж, 01 апреля – 31 мая 2024 года). – Воронеж: ВГАУ. 2024. С. 37-42.
4. Винобер А.В. [Философия естественного права. Очерк первый. Прологомены](#) / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2025. 1 (78). С. 5-40.
5. Винобер А.В. [Философия естественного права. Очерк второй.](#) «Философия права» Г.В.Ф. Гегеля / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2025. 2(79). С. 5-48.
6. Винобер А.В. Философия естественного права. Очерк третий. «Философия права» Б.Н. Чичерина / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2025 3 (80). С. 5-34.
7. Винобер А.В. 12 мгновений абсолютного (философско-антропологический трактат) / А.В. Винобер // Необитаемый остров : литературно-художественный и философско-исторический электронный журнал. 2025. 4 (16). С. 22-51.
8. Гараева Г.Ф. [Особенности методологического плюрализма философии права Е.Н. Трубецкого](#) / Г.Ф. Гараева // [Теория и практика общественного развития](#). 2019. № 12 (142). С. 78-81.
9. Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. Пер. с фр. Составитель и автор вступ. статьи М.В. Антонов. — СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2004. — 848 с.
10. Евлампиев И.И. Философские и правовые воззрения Евгения Трубецкого. В кн. Труды по философии права / Трубецкой Е.Н.. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 2001. С. 5-38.

11. Иеринг Р. Борьба за право. Пер. Ершова С.И. - М.: Изд. Прокоповича М.Н., 1907. 87 с.
 12. Кашапов У.А. [Антропологические основания философии права Е.Н. Трубецкого](#) / У.А. Кашапов // [Философия права](#). 2003. № 1 (7). С. 11-14.
 13. Миненков Г.Я. Трубецкой Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 731-732
 14. Синха С. П. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / Пер. с англ. – М.: Издательский центр «Академия», 1996. 304 с.
 15. Соловьев В. С. Право и нравственность. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. — 147 с.
 16. Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства / Кн. Евгений Трубецкой. — Москва : Путь, 1917. 335 с.
 17. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 2001. 543 с.
 18. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. — 224 с.
 19. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М.: Республика. 1994. 432 с.
 20. Трубецкой Евгений Николаевич // Философский энциклопедический словарь. Сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 666.
 21. Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука. 1998. 656 с.
 22. Штаерман Е.М. Римское право. В кн. Культура Древнего Рима. в 2-х т. Т. I. – М.: Наука. 1985. С. 210-247.
-

A.V.Vinober

Irkutsk, Russia

**PHILOSOPHY OF NATURAL LAW. THE FOURTH ESSAY.
E.N. TRUBETSKOY – ENCYCLOPEDIA OF LAW AND METAPHYSICS OF
THE ABSOLUTE**

The purpose of this essay is not to claim another dubious objectivity in describing the work of an outstanding author, but only to express the experience of subjective cognition. The author conducts a critical analysis of the Encyclopedia of Law by E.N. Trubetskoy, who performs on the basis of fragmentary random samples, depending on his own subjective preferences, because to carry out a complete detailed critical analysis of such a voluminous and terminologically intensive work is a task feasible for an entire team of authors or a task for the long-term efforts of one author (if artificial intelligence is not involved in this task). As a philosopher of natural law, according to the author, one cannot be placed above B.N. Chicherin, V.I. Solovyov and L. Petrazhitsky, whom he interprets, corrects or even strongly criticizes (like L. Petrazhitsky). As a philosopher (ontologist and epistemologist), E.N. Trubetskoy can hardly be rated higher than a religious philosopher and moralist. As an Orthodox theologian, E.N. Trubetskoy is one of the best.

Keywords: philosophy of natural law, Evgeny Nikolaevich Trubetskoy, encyclopedia of law, metaphysics of the absolute, historical school

Поступила в редакцию 30 июня 2026